

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.2(091=222.18=116.1)«14/15»

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>

Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН)

Екатерина Максимовна Белкина

Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия, belkinakat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>

Аннотация. В статье рассматриваются палеографические и кодикологические аспекты нескольких фрагментов недатированного конволюта С40 из Еврейского фонда Института восточных рукописей РАН. Это список «Муса-наме» Шахина, сформированный из большого количества разрозненных отрывков. По-видимому, три крупных фрагмента рукописи – это части средневековых рукописей, которые оказались в руках одного мастера-«реставратора» в XIX в. Основываясь на сравнительно-историческом методе, автор предлагает вариант возможной датировки каждого фрагмента, считая, что перед нами отрывки рукописей конца XV – начала XVI в., созданных в регионе, где расположены города Кум и Кашан в Иране. Более точную локализацию сегодня, к сожалению, установить не удастся. Однако большинством тех же свойств писчего материала, типа и вида письма, а также характером фиксации текста в памятнике (аппаратом работы писца с текстом) обладают несколько датированных и исследованных еврейских рукописей этого периода и этого региона. Датировка исследуемых фрагментов позволит ввести рукопись в научный оборот как один из редких средневековых памятников евреев Востока.

Ключевые слова: еврейские рукописи; еврейско-персидский; палеография; кодикология; медиевистика; средневековые рукописи; иудаика; Шахин

Благодарности: исследование было проведено в рамках программы стипендий Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Для цитирования: Белкина Е. М. Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1219–1237. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C40 Hebrew, the IOM RAS)

Ekaterina M. Belkina

*Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia,
belkinakat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>*

Abstract. The article examines some paleographic and codicological aspects of several fragments of the undated manuscript C40 from the Hebrew Collection in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS). This is a codex of Shahin's Musa-name, formed from some different, scattered fragments. Apparently, three large fragments of this manuscript are taken from medieval codices, which were gathered by one person (the so-called “restorer”) in the 19th century. Judging from the results of their comparative and historical analysis, one can suggest some possibilities for dating of each fragment. The author dates these fragments back to the late 15th early 16th centuries C.E. According to her, they were transcribed in the region where the cities of Qum and Kashan are located (the current provinces of Qum and Isfahan in Iran). Unfortunately, it is hardly possible to provide a more accurate localization. However, several dated and previously studied Jewish manuscripts from this period and this area have nearly the same attributes, quality, or characteristics of the writing material and the type of writing, as well as some textual pattern.

Keywords: Jewish manuscripts; Judeo-Persian; Palaeography; Codicology; Medieval studies; Medieval manuscripts; Jewish studies; Shahin

Acknowledgments: this research was conducted within the frame of the Scholarship program of the Research center of the Private Cultural Institution “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow), with financial support of A. Klyachin.

For citation: Belkina E. M. Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C40 Hebrew, the IOM RAS). *Orientalistica*. 2021;4(5):1219–1237. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>.

Введение

Среди всего разнообразия еврейско-персидских рукописей особое место занимают памятники, написанные до эпохи правления Сефевидов в Иране, то есть до XVI в. Еврейские рукописи этого региона более поздних периодов, Нового времени, вне зависимости от языка имеющих в них текстов, исчисляются тысячами и дошли до нас в хорошей сохранности. В XVI–XVII вв. персидская рукописная традиция получила новый виток развития благодаря тому, что правители пришедшей к власти династии оказались неравнодушны к искусству; местные же еврейские переписчики вторили новшествам и тенденциям своего времени. До нашего времени дошло значительное количество созданных ими рукописных памятников: это и современные им произведения, и списки лучших поэм прошлого, в том числе богато иллюстрированные. Что же касается более ранних пери-

одов истории Большого Ирана¹, то из-за многочисленных волн гонений и притеснений евреев на этих территориях, которые сопровождались попытками уничтожения целых общин, нам практически неизвестны имена средневековых еврейских поэтов Персии, за исключением, например, Имрани и Шахина. На сегодняшний день в руках исследователей находится всего менее тысячи рукописей старше XV в. [1, с. 1–20]. Именно поэтому интерес к тем памятникам, которые могут хранить в себе «следы» средневековой истории евреев Большого Ирана, особенно велик².

В настоящей статье речь пойдет о еврейско-персидской рукописи С40 Евр. фонда из собрания Института восточных рукописей РАН. Она представляет собой недатированный конволют поэмы «Муса-наме» Шахина. Из всего корпуса памятника можно выделить условное «ядро» – три наиболее крупных по объему фрагмента текста – и вставки-дополнения, сделанные позднее другими переписчиками [2]. «Ядро» занимает более двух третей всего памятника: около 31% принадлежат руке одного мастера, 5% в середине рукописи – второго и 31% в конце – третьего переписчика.

Ниже указано полистное распределение всех трех фрагментов (согласно палеографическим данным):

- Первый мастер (переписчик № 3³): ff. 22a–26б, 28a–44б, 51a–56б, 65a–100б, 102a–121б, 123a–124б;
- Второй мастер (переписчик № 4): ff. 125a–130б, 133a–140б;
- Третий мастер (переписчик № 6): ff. 141a–164б, 166a–171б, 173a–182б, 184a–187б, 195a–205б, 231a–259б.

Стоит также отметить, что изучаемая рукопись имеет условного «близнеца» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Евр. Нов. Серия 150). Это список поэмы «Берешит-наме» Шахина, «ядро» которого создано, по-видимому, тем же писцом, что и один из фрагментов рукописи С40 (речь идет об указанном выше переписчике № 6). Этот памятник также был отреставрирован позднее, а способ компоновки всего конволюта довольно схож с исследуемым источником («ядро» + вставка + реставрация).

¹ Под термином «Большой Иран» мы подразумеваем территории, исторически и/или культурно находившиеся в Средние века под персоязычным влиянием, в том числе территории Центральной Азии (ныне Туркменистан, Узбекистан и т. д.) и Афганистана.

² Во введении к каталогу еврейско-персидских рукописей Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке д-р Вера Баш Морин приводит данные по всем обработанным ею в 1990-е гг. мировым коллекциям, содержащим от нескольких десятков до нескольких сотен еврейско-персидских памятников разных времен. Некоторые ее наработки, как, например, исследование таких коллекций в Санкт-Петербурге, так и не были опубликованы, о чем она сама пишет. С момента издания «Каталога» эта информация все еще актуальна. Подробнее см.: [1, с. 1–20].

³ В более ранней статье (2019) мною уже приводился подробный перечень последовательного полистного распределения фрагментов в соответствии с их принадлежностью тому или иному писцу (по палеографическим аспектам текста). Чтобы не вводить читателя в заблуждение, здесь оставлена та же последовательность переписчиков в скобках [2].

Все перечисленные фрагменты представляют собой наиболее ранние рукописные списки в памятниках по сравнению с другими частями. На это указывают их палеографические и кодикологические особенности, о которых подробно речь пойдет ниже. По-видимому, перед нами компиляция нескольких поврежденных рукописей в одну, выполненная с целью сохранения оригинальных источников (применимо к рукописи С40) или же с целью реставрации текста поэмы посредством восполнения лакун рукописи анонимным мастером в XIX в. самостоятельно и / или же с помощью разрозненных фрагментов других имеющихся у него списков этого же произведения (применимо к обеим рукописям). Однако ни в одной из данных частей мы не встречаем дат создания рукописи, нет ни одного колофона.

Мы обратимся к палеографическим и кодикологическим аспектам этих фрагментов для попытки косвенно датировать их. Применение сравнительно-исторического метода в работе позволяет проследить, к какому из периодов можно отнести тот или иной источник. Опорой же для такого анализа в настоящем исследовании станет самая крупная электронная база всех датированных еврейских рукописей – SfarData [3]. На сегодняшний день в нее добавлены данные по более чем пяти тысячам еврейских средневековых манускриптов, с X в. по 1550 г., и к большинству из них приложены фотографии источников. Это позволяет проследить последовательную трансформацию шрифтов и манеры начертания букв многими переписчиками в различных регионах компактного проживания еврейских диаспор.

Палеографические аспекты

Перед тем как начать сравнительное исследование, стоит дать описание всех трех почерков, которые встречаются в «ядре» рукописи. Хотелось бы также акцентировать внимание на структурные элементы каждого из них. Проф. Малахи Бейт-Арье в описании своего видения компаративистики в отношении еврейских рукописей однажды указал на то, что метод, предложенный Дж. Маллон для сравнительной палеографии латинских рукописей, также хорош и для еврейских памятников: следует учитывать пропорции высоты и ширины каждой буквы, угол начертания, порядок начертания элементов одной буквы и их последовательность и, наконец, «вес» каждой буквы (то есть соотношение ширины вертикальных и горизонтальных элементов) [4].

В рамках Еврейского палеографического проекта (Hebrew Palaeography Project), основанного еще в 1965 г. проф. Бейт-Арье и Колетт Сират, был разработан «опросник», при заполнении которого исследователями учитывались бы все или почти все данные по кодикологии и палеографии еврейских рукописей. Он использовался при дальнейшем составлении базы SfarData, ее структура поиска и фильтрации памятников опирается как раз на те пункты, которые значились в этом «опроснике». В настоящей статье при описании почерков и писчего материала используется большинство

пунктов из этой анкеты, однако остаются за рамками исследования те данные, которые не смогут помочь в датировке и локализации фрагментов рукописей⁴.

Первый мастер: переписчик № 3

Все буквы почти полностью вписаны в условный квадрат⁵, нет сильных отклонений в курсивный тип письма. Верхние элементы букв

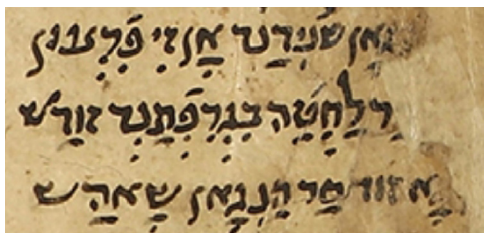

Рис. 1. Лист 23а, столбец 1, строки 11–13.
С40 Евр. фонд, ИВР РАН

Fig. 1. Folio 23a, column 1, lines 11–13. C40
Hebrew, the IOM RAS

⁴ Англоязычный вариант «опросника» был подготовлен проф. Ольшови-Шлангер с учетом последующих наработок и того вида типологизации шрифтов, который был ею предложен. Читатель может ознакомиться с опубликованной сокращенной этой версией опросника на сайте проекта по изучению фрагментов еврейских рукописей в переплетках европейских книг и рукописей «Книги внутри книг» (Books within Books), автором которого является проф. Ольшови-Шлангер [5].

⁵ Эта характерная деталь так называемого *квадратного* типа письма. Для дальнейшего описания важно отметить, что будут использованы две основные типологизации еврейских средневековых шрифтов, без которых, по мнению автора, невозможно палеографическое исследование.

1. Всего в палеографии еврейских рукописей можно указать три основных *типа письма*: квадратный тип («уставной» тип письма, буквы вписаны в рамки некоего предполагаемого квадрата, буквы написаны без наклона, перпендикулярно строке), полукурсивный тип (некоторый наклон и небрежность в соблюдении рамок «квадрата», возможное пересечение элементов соседних букв, но буквы различимы и не вызывают сложности прочтения и отождествления) и курсивный тип письма (скорое начертание букв без соблюдения каких-либо рамок, слитное написание некоторых элементов нескольких букв). В англоязычной литературе используется термин *script mode*, в ивритоязычной – «אָרְטִי».

2. Все имеющиеся сегодня в руках исследователей типы средневекового еврейского письма были разделены на несколько регионов по географическому признаку, по месту наибольшего распространения рукописей с подобным шрифтом. Это пять основных *видов письма*: итальянский, византийский, сефардский (Пиренейский полуостров), ашкеназский (Западная и Центральная Европа) и восточный (Ближний Восток и Центральная Азия) [6]. В англоязычной литературе используется термин *script type*, в ивритоязычной – «סִטִּיפּוּס».

Сочетание видов и типов письма дает возможность не только говорить о разнообразии еврейских шрифтов, но и выявить среди всего этого разнообразия вариант конкретного шрифта, используемый в том или ином письменном памятнике. Русскоязычная терминология для палеографического описания, используемая в данной статье, была предложена проф. С. М. Якерсоном (более подробно см.: [7]). Стоит также отметить, что проф. Ольшови-Шлангер благодаря своей работе с многочисленными документами, обнаруженными в Каирской генизе, предложила типологизацию, в рамках которой она различает шрифты, используемые в большей степени в рукописях (*bookhand*), и шрифты, характерные для восточных документов X–XI вв. (*documentary*) [8]. Безусловно, эта типологизация является одной из важнейших в изучении истории развития и трансформации еврейских шрифтов в Средние века, однако для данного исследования она не столь релевантна. В работах д-ра Эдны Энгель, например, при составлении Каталогов еврейских шрифтов (*Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts*) [9], а также в монографии д-ра Ады Ярдени [10] предложены варианты «протополукурсивного типа письма» и «протокурсивного типа письма» в еврейских кодексах, которые, как представляется, описывают более последовательную картину трансформации еврейских шрифтов, чем предложенная проф. Ольшови-Шлангер версия.

имеют полукруглую форму (буквы *бет*, *тав*, *далет*, *реш*⁶), вертикальные элементы не имеют ярко выраженной округлости, при этом также нельзя говорить об их следовании перпендикуляру к строке. Перед нами вариант восточного полукурсивного письма, который, однако, стремится сохранить в себе черты «уставного» квадратного типа. Почерк переписчика нельзя назвать «небрежным», это не тот полукурсив, который мы можем встретить во многих рукописях, созданных для личного пользования, например, где буквы намного более схематичны, начинают соединяться между собой, где некоторые элементы сливаются в единую черту при начертании. Здесь же на протяжении всего текста, который мы относим к работе переписчика № 3, не наблюдается подобной тенденции.

Для наглядности обратим внимание на написание буквы *шин* на рис. 1. На строке 12 (вторая строка на рисунке) буква *шин* находится в самом конце строки и имеет удлинённый правый элемент, выходящий над строкой, над буквой *далет*. На строке 13 (третья строка на рисунке) мы видим ту же букву *шин*, выписанную в последнем слове дважды в одну строку, без изгиба, без изменения высоты всех элементов. Первый раз – в начале слова – буква имеет равную пропорцию ширины и высоты. Такой вариант является основным для переписчика: при написании слова внутри строки или в ее начале он использует именно этот, наиболее приближенный к квадратному, «равносторонний» тип шрифта. Второй раз – в конце слова – мы наблюдаем удлинение правого элемента, скорее всего, как один из способов заполнения строки. Переписчик на протяжении всего текста старается не выходить за рамки условного квадрата при письме. Такой вариант, как на строке 12, мы видим исключительно в постпозиции, когда остается недостаточно места для написания полноценно пропорциональной буквы. Его «не-стремление» выписывать буквы более схематично выражается также в том, что мастер мог бы пренебречь пространством между буквами *далет* и *шин* и начать писать последнюю букву, практически не отступая от верхнего элемента предыдущей. Тем не менее он так не делает. При этом отметим, что буквы одного слова прописаны плотно, без дополнительных, излишних отступов между собой.

Предлагаю обратить внимание на рис. 1 на букву *алеф*: она представляет собой сочетание трех элементов, основным из которых является широкий *поперечный* элемент. К нему приписан довольно широкий левый вертикальный элемент (обычно без изгиба снизу), верхний же представляет собой точку, от которой движением вверх и влево начерчена диагональная строка вниз к поперечному элементу. Этот способ написания буквы *алеф* мы увидим еще у переписчика № 6 в исследуемой рукописи.

⁶ Наименования всех букв приводятся в данной статье в упрощенной транслитерации.

Второй мастер: переписчик № 4

Визуально текст этого фрагмента довольно похож на предыдущий (рис. 2). Разницу можно обозначить в соотношении длины и ширины вертикальных (более тонкие) и горизонтальных (более полные, широкие) элементов, о чем будет подробнее сказано ниже. Однако при детальном рассмотрении сразу становится заметна совершенно другая манера написания буквы *алеф* у этого мастера: он выписывает поперечный элемент либо ровно без отклонений, либо с небольшим изгибом влево, как будто очерчивая полукруг. Левый элемент имеет не вертикальную, а также изогнутую форму, в основном волнообразную, правый же начертан с изгибом вправо (движением руки слегка вверх и вправо).

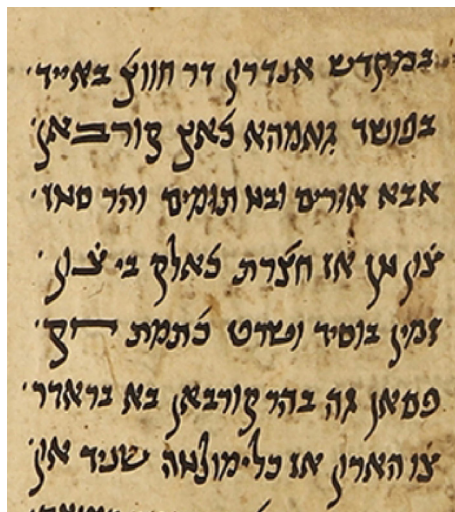

Рис. 2. Лист 126а, столбец 1, строки 1–7. С40 Евр. фонд, ИВР РАН
Fig. 2. Folio 126b, column 1, lines 1–7. C40 Hebrew, the IOM RAS

На рис. 3 представлены для сравнения способы начертания букв *алеф* обоих мастеров. Здесь отчетливо видна разница в манере написания букв (с изгибом или без, в какую сторону изгиб направлен). Она прослеживается систематически в обоих фрагментах, что позволяет утверждать о работе двух переписчиков и, вероятно, о наличии двух исходных рукописных памятников. Безусловно, это предположение основывается не исключительно на способе начертания буквы *алеф*, о чем речь пойдет ниже, однако именно написание *алеф*, на мой взгляд, наиболее показательно отражает многие характеристики, присущие почеркам обоих переписчиков.

В целом стоит отметить некую утонченность работы второго мастера. Если буквы переписчика № 3 сохраняют полноту написания, т. е. вертикальные и горизонтальные элементы не сильно отличаются друг от друга по объему, по ширине, то почерк переписчика № 4 выглядит более изящным из-за последовательного утончения вертикальных черт. В отличие от своего коллеги, он пользуется полукурсивом свободно, будто не стремясь сохранять рамки условного квадрата для каждой буквы.

Обратим также внимание на вертикальные элементы тех букв, которые выходят за строку, например, *нун-софит* (ן-) и *коф* (ך-) (рис. 2). Переписчик начина-

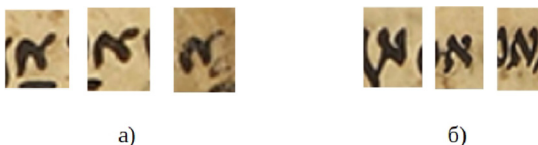

Рис. 3. Способы начертания буквы *алеф* у а) переписчика № 3 и б) переписчика № 4. С40 Евр. фонд, ИВР РАН
Fig. 3. Letters Aleph: a) scribe No. 3 and b) scribe No. 4. C40 Hebrew, the IOM RAS

ет их выводить с середины строки и не соблюдает перпендикуляр к строке, как, например, в букве *lamed*. Напротив, он будто намеренно выписывает их в форме волны, тем самым выделяя эту букву среди других. Это черту можно также назвать характерной для данного фрагмента.

Более того, на протяжении всего фрагмента мы наблюдаем наличие точки в середине стихотворного байта, то есть в конце первого столбца, и двоеточие в конце строки, в конце второго столбца. Эта деталь относится к аппарату работы мастера с текстом⁷. Она отличает первого мастера от второго, но сближает его с третьим.

Третий мастер: переписчик № 6

Для наглядности последнего тезиса приведу в пример разворот, где завершается фрагмент переписчика № 4 и начинается текст переписчика № 6 (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент разворота ff. 140b (второй столбец) и 141a (первый столбец), строки 1–10. Последовательность на рисунке справа (f. 140b) налево (f. 141a).

C40 Евр. фонд, ИВР РАН

Fig. 4. A fragment of the ff. 140b (column 2) and 141a (column 1), lines 1–10. From right (f. 140b) to left (f. 141a). C40 Hebrew, the IOM RAS

⁷ Аппарат работы мастера с текстом – это набор технических приемов, которые помогали писцу справиться с задачей расположения материала (самого текста рукописи) в рамках текстового поля. К ним относятся: заполнение строки, выделения определенных букв, слов или фраз в тексте, исправление допущенных при фиксации текста ошибок и любая другая корректура, а также расположение стихотворных строф и обозначение их начала, середины и конца при необходимости (подробнее см.: [7, с. 65–75]).

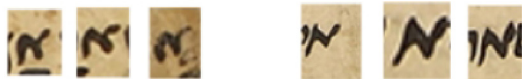
Оба мастера пользуются идентичным аппаратом работы с текстом: завершение середины строфы и окончания строфы сопровождается графическими дополнениями (точками и двоеточием); для выделения звуков персидского языка, отсутствующих в иврите, или для обозначения конкретного звука, если позиционно буква имеет разные варианты прочтения, они используют наклонную черту над буквой (например, *пей* с чертой в верхней строке в обоих столбцах – для звука *ф*) или же точку для букв, которые замещают сразу несколько звуков (например, буква *цаде* с точкой для обозначения звука *ч*; строка 3, f. 140б на рис. 4). К тому же подобное единство можно наблюдать и в оформлении полистных кустод.

Отличие же обнаруживается в способе выделения заглавий. Тогда как второй мастер только лишь увеличивает размер букв и выравнивает шрифт по центру (не отражено на рис. 4), третий же украшает буквы сверху троеточием и наклонными чертами, создавая при этом своеобразный графический орнамент (рис. 4, f. 141а).

Его способ начертания буквы *алеф*, как уже упоминалось выше, сближает его манеру письма с манерой первого мастера и отличает от второго. Все три элемента написаны примерно под углом в 45% друг к другу; этим они визуалью напоминают латинскую букву N. Правый элемент также выписывается движением руки влево, но при этом изгиб от точки, с которой начинается штрих, не столь очевиден, как у первого мастера (рис. 5). Надо отметить, что крайние правый и левый элементы в целом более тонкие, чем центральный диагональный элемент, но все они не имеют той изогнутости, которая наблюдалась у других переписчиков в данном исследовании.

Остальные буквы написаны также более утонченно, заметно различие в ширине между вертикальными (более тонкими) и горизонтальными / поперечными (более полными) элементами. К тому же, несмотря на плотность начертания всех букв одного слова, ни одна из них не соединяется с другой, между соседними буквами всегда есть пространство. Даже при заполнении строки посредством удлинения одного из элементов буквы размер этого пространства сохраняется (буква *шин*, рис. 4, строка 10).

В отличие от своих коллег, последнему мастеру зачастую не удается вписать весь необходимый текст в одну строку или столбец, поэтому последнее слово он пишет под наклоном. Оно начинается чуть выше уровня строки, что отчетливо видно сразу на нескольких стоках на рис. 4.

* * *

Итак, все три переписчика пользуются вариантами полукурсивного письма. Некоторые буквы прописаны детально и соответствуют шрифту, который

а)

б)

Рис. 5. Способы начертания буквы алеф у а) переписчика № 3 и б) переписчика № 6. С40 Евр. фонд, ИБР РАН

Fig. 5. Letters Aleph: a) scribe No. 3 and b) scribe No. 6. C40 Hebrew, the IOM RAS

мы встречаем во многих рукописных памятниках с квадратным еврейским письмом, с его уставным типом фиксации. Другие же буквы написаны схематично, с соединением нескольких элементов, более небрежно, однако последовательно: одна и та же форма соединения прослеживается на протяжении всего фрагмента. Представляется, что за выбором подобного типа письма кроется стремление переписчиков сохранить черты квадратного шрифта, его четкость форм и каноничность написания отдельных элементов букв (например, ясное сочетание вертикальных и горизонтальных элементов, отсутствие слитности в их фиксации), поэтому отчасти этот тип письма может быть отнесен к «протополукурсивному».

В то же время на примере буквы *алеф* уже была предпринята попытка описать ту трансформацию буквы, которую можно было бы назвать «полукурсивной». У каждого мастера виден свой собственный подход к ее формированию, но *поперечный* элемент остается неизменной основой для всех описываемых выше почерков⁸. Это одна из характерных деталей восточного вида письма и *квадратного* типа письма как такового. Что же касается боковых элементов буквы, то здесь уже проявляется почерк каждого мастера: у одного эти элементы почти вертикальные, у другого более изогнутые, у третьего более тонкие. Именно эти характеристики не позволяют утверждать, что перед нами квадратный тип письма.

Подобные шрифты встречаются в рукописях с территории Персии в двух датированных памятниках: это рукопись из Тарома 1422 г. и рукопись из Кума 1484–1485 гг.⁹ Действительно, уже в кодексах, написанных на еврейско-арабском языке в самом начале XV в., можно встретить подобную переписчику № 6, нашему третьему мастеру, манеру фиксации текста на странице¹⁰. Это и способ начертания некоторых букв (той же буквы *алеф*), и плотность заполнения строки, и один из способов завершения строки посредством вынесения последнего слова над строкой при нехватке места на строке, хоть и не основной. Однако все буквы написаны намного более схематично, чем те, что мы видим в исследуемой рукописи.

Складывается впечатление, что перед нами некий следующий этап в развитии и трансформации еврейского квадратного и полукурсивного типа письма в регионе Большого Ирана в этот период: буквы уже «наползают» на пространство друг друга, вторая буква начинается над нижними элементами предыдущей, систематически используются лигатурные

⁸ Автор считает возможным выделить эту особенность почерка потому, что в других регионах распространения еврейской рукописной традиции подход к выделению основных и «дополнительных» элементов букв будет варьироваться.

⁹ Рукопись из Тарома 1422 г.: частная коллекция М. Бенаяху (M. Benayahu), Иерусалим, Израиль. В базе SfarData: 0A071. Рукопись из Кума 1484–1485 гг.: Heb. e. 60 Бодлеанская библиотека, Оксфорд, Великобритания. В базе SfarData: 0C336.

¹⁰ Например, в рукописи шифра Евр.–Ар. I 1814 (ОР РНБ) 1405 г. Это комментарий на еврейско-арабском языке к Танаху, Еврейской Библии. В базе SfarData: 0R202.

сочетания букв *алеф* и *ламед* – их переписчик выписывает буквально в две черты, пренебрегая всеми остальными элементами этих букв (все-го шесть)¹¹. В рукописи из Тарома, немного более позднего времени, чем упомянутые выше еврейско-арабские, такого еще нет. Все буквы уже наделены «полукурсивными» характеристиками (удлиненные и более изогнутые), но все же общая структура текста на странице еще сохраняет в себе черты уставного типа письма. Строка следует за строкой, буква отстоит от предыдущей. Аппарат работы с текстом переписчика № 6 и мастера из Тарома также объединяет еще следование *вертикали текста* на странице: слово целиком прописано перпендикулярно строке; даже если отдельные буквы приобретают тенденцию наклонного начертания, соседние буквы с вертикальными элементами их будто сдерживают, уравнивают и выпрямляют вертикально вверх. Отсюда появляется визуальный эффект «прямого угла» между столбцом текста и строками.

Таким образом выявляется проблема косвенной датировки восточных еврейских рукописей. Если в текстах на еврейско-арабском языке 1405 г. уже заметен следующий шаг развития шрифта, тогда как в еврейско-персидских материалах 1422 г. все еще присутствует описываемая стадия, есть основания говорить о нескольких возможных вариантах развития еврейской письменной традиции в регионе: первый – еврейская письменная традиция в Персии отставала от традиции в арабских странах; второй – еврейская традиция в Персии отличалась от «арабской» и должна изучаться отдельно и иметь свою хронологию. Тем не менее каждое из этих утверждений нуждается в комментарии и, возможно, даже в опровержении. Неправоммерно говорить об отставании одной традиции от другой, не имея равной выборки. К сожалению, еврейских и / или еврейско-персидских датированных материалов начала XV в. из Большого Ирана сохранилось слишком мало, чтобы обеспечить нас данными для подобного сравнения. Более того, все недатированные материалы, которые исследователи определяют как «восточные», опираясь на палеографические аспекты рукописи, делятся в основном по языковым параметрам, и потому локализации памятника, написанного на иврите, оказывается вне компетенции палеографа, так как и среди еврейско-арабских материалов, и среди еврейско-персидских наблюдается схожая тенденция развития шрифтов¹². Большинство недатированных библейских

¹¹ Такую манеру начертания букв палеографы называют «переплетением» (*nesting letters*) и «встраиванием» (*embedded letters*). Подобные явления можно отмечать в более ранних рукописных памятниках с территории современных арабских стран (см.: [11, с. 304–308]). Среди известных сегодня домонгольских «персидских» еврейских памятников (до XIII в.) такой способ расположения букв встречается в письмах Афганской генизы, в кодексах он отмечается с более позднего времени.

¹² Отличительные особенности развития еврейского письма можно указать только для рукописей XV–XVI вв. в Бухаре. Это намного более вытянутые в горизонталь буквы, с заметным удлинением нижних элементов [10, с. 222–223].

кодексов или их переводов на арамейский язык (таргумов) попадают в категорию «восточная рукопись» без уточнения локализации – Ближний Восток или Центральная Азия.

Итак, автор предлагает рассматривать вторую четверть XV в. как нижнюю границу предполагаемой датировки исследуемой рукописи, а именно фрагмента третьего мастера (переписчик № 6).

Некоторые из характеристик такого типа письма прослеживаются в упомянутой выше рукописи из Кума 1484–1485 гг.: например, та же плотность букв в слове и на строке, тот же способ формирования буквы *алеф*. Однако здесь можно наблюдать уже не такую строгость в написании вертикальных элементов букв, выходящих за пределы строк (*нун софит* (י-), *куф* (ך-), *ламед* (ל-) и др.), так как большинство из них написано волнообразно в той или иной степени (нижние элементы имеют сильный изгиб, верхние элементы – нет). В другой рукописи, 1494 г. из Кашана¹³, также можно увидеть подобные характеристики, а главное – сходную систему работы мастера с текстом, его аппарат фиксации текста на листе. Безусловно, каждая рукопись имеет свои особенности в силу разницы почерков переписчиков, но «вес» текста и отдельных букв на строке и листе, их расположение относительно друг друга, их угол наклона свидетельствуют об одном уровне развития и трансформации еврейского письма в это время в этом регионе. Эти же свойства были отмечены выше у переписчиков № 3 и № 4.

Надо отметить, что уровень изгиба разных элементов букв, свойственный фрагменту переписчика № 4, намного более свободный, текст визуально кажется более витиеватым. Автору не удалось найти среди датированных рукописей примера подобного шрифта, однако, базируясь на более ранних и более поздних источниках, можно с уверенностью утверждать, что перед нами фрагмент рукописи начала XVI в. По сравнению с рукописями из Кума и Кашана, текст второго мастера выделяется своей «изящностью» в палеографическом плане. Весь фрагмент отличается сложностью форм букв и наличием закруглений почти у всех элементов, чего не прослеживается в более ранних рукописях. По-видимому, это один из этапов дальнейшего развития полукурсивного типа письма в регионе в данный период.

Любопытно, что среди датированных еврейско-персидских рукописей можно также проследить вариант верхней границы существования всех описываемых в статье характеристик такого типа письма. При сравнении всех трех фрагментов с рукописью 1590 г.¹⁴ действительно ясно

¹³ Рукопись из Института Бен-Цви № 4562. Описание и иллюстрации опубликованы в каталоге А. Нецера [12]. В базе SfarData: 0A093.

¹⁴ Рукопись из Института Бен-Цви № 1077. Описание и иллюстрации опубликованы в каталоге А. Нецера [12]. В базе SfarData уже не учитывается (только рукописи до 1550 г.).

видны те или иные свойства, присущие исследуемым здесь почеркам, особенно по манере начертания некоторых букв, но при этом также наличествует совершенно другой аппарат работы с текстом. Например, расстояние между словами заметно увеличено, угол наклона букв различается от слова к слову, соотношение высоты и объема букв в слове также различно. Скорее всего, в этой рукописи представлен тот вариант развития письма, который можно назвать промежуточным между исследуемыми здесь списками и рукописями XVII – начала XVIII в.

Итак, основываясь на палеографических аспектах данных фрагментов рукописи, можно датировать их в следующих границах:

- самая нижняя граница датировки этих фрагментов – вторая четверть XV в.;
- самая верхняя граница датировки – конец XVI в.

Стоит отметить, что такой разброс дат сокращается благодаря текстам в рукописях из Кума и Кашана. Первый и второй фрагменты, по-видимому, принадлежат к этой же региональной письменной традиции и восходят к концу XV – началу XVI в. Самым проблематичным оказывается текст переписчика № 6, так как именно по его характеристикам выстраивается структура крайних границ датировки (с разницей в более чем 150 лет!). Однако нельзя сказать, что его не следует сравнивать с источниками из Кума и Кашана. Притом что отдельные черты проявляются как в 1422 г., так и в 1590 г., целостность текста обеспечивается совокупностью манеры начертания букв писцом и его работы со всем текстом на листе, т. е. типом письма и аппаратом работы с текстом. Таромская рукопись еще не демонстрирует той описываемой последовательности в работе с текстом, хотя уже содержит ключевые палеографические аспекты, как указано выше, а текст рукописи 1590 г.¹⁵ уже превосходит тот этап развития, который мы видим на исследуемом фрагменте. Поэтому памятник, принадлежащий третьему мастеру, с большой вероятностью можно датировать также концом XV – первой половиной XVI в.

Кодикологические аспекты

Кодикологические аспекты всех трех фрагментов не так различаются между собой, как типы шрифта, зафиксированные на этих страницах. Во всех трех случаях мастера пользуются бумагой восточного типа двух образцов: без каких-либо видимых волокон и бумагой верже. Первый тип встречается у переписчика № 3, два других – преимущественно во всех тетрадах переписчиков № 4 и № 6. Не найдено ни одного развернутого листа с понтюзо, ни одного листа с водяными знаками.

¹⁵ Автор намеренно избегает указывать место создания рукописи в данной статье, так как этот топоним вызывает дискуссии среди исследователей. Есть предположения, что «Санджан, что на реке Фархан / Фаркан / Паркан», как написано в рукописи, – это Саманган в нынешнем Афганистане или же, наоборот, город в Ираке [12, № 1077].

Так как рукопись была отреставрирована в XIX в. (см.: [2]), сегодня сложно достоверно определить исходную структуру тетрадей одного или всех фрагментов. Тем не менее на сегодняшний день они скомпонованы из трех листов, из чего можно предположить, что когда в XX в. рукопись попала в руки профессиональных реставраторов, они сохранили то же строение книги, какое зафиксировал мастер в XIX в.

Вся бумага, по-видимому, была светло-коричневого или кремового цвета, сейчас же зачастую имеет коричневатый оттенок, особенно по краям листов. Она довольно плотная, но изготовлена с некоторой, скажем, небрежностью, так как отчетливо видны на просвет места, где волокна сбились в одном месте, и между ними образовались более тонкие и потому заметные и светлые слои бумажной массы. Однако на других листах отчетливо заметна структура верже, и таких просветов становится все меньше. Бумага здесь имеет некоторую внутреннюю «систематизированность». Все эти свойства Хелен Лавдей указывает в своем описании персидской бумаги. Разные оттенки коричневого цвета, как она пишет, присущи более ранним кодексам, а начиная с XV в. улучшается качество бумаги, и цвет становится более светлым. Она также отмечает, что в персидской бумаге вплоть до XV в. не часто встречается равномерное распределение волокон по одному листу; только с этого времени качество бумажной массы начинает изменяться (в лучшую сторону) и проявляется некоторая упорядоченность в производстве бумаги, что отражается на самом листе. В XVI–XVII вв. персидскую бумагу характеризует даже излишняя волокнистость, верже видны невооруженным глазом [13, с. 59–76]. В исследуемой здесь рукописи такого еще нет¹⁶.

Проф. Малахи Бейт-Арье, в свою очередь, описывает подобные свойства относительно используемой в *еврейских* кодексах восточной бумаги [14]. Он отмечает, что бумага без видимых верже или понтюзо широко использовалась иудеями на Ближнем Востоке и в Большом Иране начиная с XI в. и вплоть до конца Средних веков. В 18% памятников персидского происхождения использована именно такая бумага, что значительно чаще, чем в соседнем Сиро-Палестинском регионе. Что же касается бумаги верже, то в еврейских восточных рукописях это – самый распространенный вариант писчего материала в Средние века. Хотя к концу XIV в. в западных районах он уступает место другим типам бумаги, в восточных районах (Ирак, Иран и Центральная Азия) он продолжает использоваться, так как его производство здесь не заканчивалось и в XVI в.

Оба исследователя не противоречат друг другу, и, в свою очередь, их данные соотносятся с тем, что можно наблюдать в исследуемой рукопи-

¹⁶ Интересно, что подобное же Х. Лавдей пишет и о бумаге производства Сирии или Египта. Однако она указывает на существенное отличие: к XV в. и далее сиро-египетская бумага верже все больше вытесняется бумагой с понтюзо, становится все светлее и более высокого качества. В Персии этот скачок происходит резко как раз в XV столетии [13, с. 70–76].

си. По-видимому, во всех трех фрагментах – бумага персидского производства XV в. или начала XVI в. Однако нельзя исключить, что это может быть бумага более раннего времени и / или же завозная из соседних регионов. Столь общие данные по ее внешнему виду и структуре совпадают с основным для многих восточных регионов типом. Однако стоит отметить, что производство бумаги с понтюзо все больше приобретало популярность в регионе Востока, поэтому процент систематического использования бумаги верже в рукописях становился все меньше. Это позволяет утверждать, что перед нами рукопись не младше XVI в.

В уже упомянутых рукописях из Тарома, Кума и Кашана использовалась бумага тех же видов. Причем стоит отметить, что в более ранней рукописи, то есть 1422 г., исследователи не отмечают наличие листов верже, только бумагу без видимых волокон. В рукописях конца XV в. бумага верже используется весьма широко, однако понтюзо не было указано ни в одном из перечисленных случаев. Это косвенно подтверждает реалистичность сделанного здесь предположения о датировке фрагментов исследуемого памятника концом XV – началом XVI в.

Заключение

Недатированные еврейские или еврейско-персидские памятники как Средних веков, так и начала Нового времени всегда представляли для исследователя ряд проблем, поэтому, вероятно, вплоть до настоящего времени они не получили того же объема внимания, как, например, сефардские или ашкеназские рукописи. Отсутствие четкой дифференциации между еврейскими рукописями Египта или Сиро-Палестинского региона («арабскими») и рукописями с территорий Большого Ирана («персидскими») усложняет задачу локализации многократно.

В этой статье была предпринята попытка вписать три имеющихся в конволюте С40 Еврейского фонда ИВР РАН фрагмента в рамки непрерывной еврейской письменной традиции этого региона в Средние века. По-видимому, перед нами памятники конца XV – начала XVI в., написанные в центральном Иране. Это подтверждает сравнительно-исторический анализ писчего материала и шрифта с датированными источниками того же времени и места создания.

Интересно, что в самом конце рукописи (f. 273б) есть приписка: «Эта книга написана в городе Самарканде Шмуэлем бен Йосефом ха-Рофе (врачом?) в 1861 г. по эре контрактов [Александра Македонского], то есть в 5310 г. от создания мира». В переводе на григорианское летоисчисление это 1550 г. Учитывая тот факт, что приписка была сделана *пером* много позже (этого почерка нет среди всех крупных фрагментов конволюта) и непонятно, к какому фрагменту относится данное утверждение, оно не может рассматриваться как опорный и релевантный аргумент в данном исследовании.

Однако информация этой приписки оказывается не столь далекой от правды относительно тех средневековых отрывков, описание которых приводится в настоящей статье. Нет основания утверждать, что датировка 1550 г. подходит для всех трех фрагментов, особенно для рукописи третьего мастера, скорее всего, самого раннего из всех. Тем не менее эта дата вполне может быть принята как верхняя граница датировки исследуемых здесь отрывков. Возможно, исследователям удастся найти новые сведения в провенансе рукописи, если они сохранились.

Все три фрагмента так или иначе сохраняют в себе (и раскрывают читателю и специалисту) черты средневековой письменной традиции евреев Большого Ирана. Свойства этих текстов в том, что касается палеографии и бумаги, а также с точки зрения кодикологии еще не характерны сефевидской рукописной культуре, которая начинает формироваться в XVI в. и своего апогея достигает в XVII в. Поэтому нет оснований отнести рукопись С40 к новому, многочисленному по объему сохранившихся памятников, этапу существования еврейской книжности на Востоке, к эпохе Нового времени. Эта рукопись, как представляется на основе проведенного исследования, должна действительно пополнить мировую «коллекцию» во многом утраченной и неизученной еврейской культуры Средних веков.

Литература

1. Moreen V. B. *Catalog of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America*. Leiden, Boston: Brill; 2015. 488 p. DOI: 10.1163/9789004281301.
2. Белкина Е. М. Ранние этапы реставрации двух еврейско-персидских средневековых рукописей. *Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции*. М.: Сэфер; 2019. С. 61–74. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.4.
3. The Israel Academy of Sciences and Humanities. The National Library of Israel. *SfarData*. *אמלך-תבואה*. *The Codicological Data-Base of the Hebrew Palaeography Project*. – Available from: http://sfardata.nli.org.il/startSearch_He [Accessed 2nd September 2021].
4. Beit-Arie M. Why Comparative Codicology? *Gazette du Livre Médiéval*. 1993;23(1):1–5. DOI: 10.3406/galim.1993.1245.
5. Olszowy-Schlanger J. Check list for observation and evaluation of Hebrew script. *Instrumenta BwB* 2, 2013. – Available from: <http://hebrewmanuscript.com/instrumenta.htm> [Accessed 15th October 2021].
6. Beit-Arie M. Hebrew Codicology. In: Bausi A., Borbone P. G., Briquel-Chatonnet et al. (eds) *Comparative Oriental Manuscript Studies: An Introduction*. Hamburg: COMSt; 2015. P. 54–55, 208–234. DOI: 10.1353/mns.2016.0004
7. Якерсон С. М. *Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты*. М.: РГГУ; 2003. 253, [1] с.

8. Olszowy-Schlanger J. Early Babylonian ‘Documentary’ Script: Diplomatic and Palaeographical Study of Two Geonic Letters from the British Library Cairo Genizah Collection. *Manuscrits hébreux et arabes: Mélanges en l’honneur de Colette Sirat*. Turnhout: Brepols; 2014. P. 177–195. DOI: 10.1484/M.BIB.1.102091

9. Beit-Arie M., Engel E., Yardeni A. *Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts*. Vol. I: *Oriental and Yemenite Scripts*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities; 1987. 325 p. (На ивр.)

10. Yardeni A. *The Book of Hebrew Script: History, Paleography, Script Styles, Calligraphy & Design*. Delaware: Oak Knoll; 2003. 355 p.

11. Olszowy-Schlanger J. Glossary of Difficult Words in the Babylonian Talmud (Seder Mo’ed) on a Rotulus. In: Brooke G. J., Smithuis R. (eds) *Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages: Studies in Honour of Philip S. Alexander*. Leiden: Brill; 2017. P. 297–323. DOI: 10.1163/9789004347762_014.

12. Netser A. *Manuscripts of the Jews of Persia in the Ben Zvi Institute*. Jerusalem: Makhon Yad ben Tsvi; 1985. 234 p. (На ивр.)

13. Loveday H. *Islamic Paper: a Study of the Ancient Craft*. London: Archetype Books; 2007. 90 p.

14. Beit-Arie M. The Oriental Arabic Paper. *Gazette du Livre Médiéval*. 1996;28(1):9–12. DOI: 10.3406/galim.1996.1329.

References

1. Moreen V. B. *Catalog of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America*. Leiden, Boston: Brill; 2015. 488 p. DOI: 10.1163/9789004281301

2. Belkina E. The Early Stages of Restoration of Two Judeo-Persian Medieval Manuscripts. *Object – Symbol – Sign in the Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Sefer; 2019. P. 61–74. (In Russ.) DOI: 10.31168/2658-3356.2019.4.

3. The Israel Academy of Sciences and Humanities. The National Library of Israel. *SfarData*. ספר-תא. *The Codicological Data-Base of the Hebrew Palaeography Project*. – Available from: http://sfardata.nli.org.il/startSearch_He [Accessed 2nd September 2021].

4. Beit-Arie M. Why Comparative Codicology? *Gazette du Livre Médiéval*. 1993;23(1):1–5. DOI: 10.3406/galim.1993.1245.

5. Olszowy-Schlanger J. Check list for observation and evaluation of Hebrew script. *Instrumenta BwB* 2, 2013. – Available from: <http://hebrewmanuscript.com/instrumenta.htm> [Accessed 15th October 2021].

6. Beit-Arie M. Hebrew Codicology. In: Bausi A., Borbone P. G., Briquel-Chatonnet et al. (eds) *Comparative Oriental Manuscript Studies: An Introduction*. Hamburg: COMSt; 2015, pp. 54–55, 208–234. DOI: 10.1353/mns.2016.0004.

7. Iakerson S. M. *Jewish Medieval Book: Codicology, Palaeography and Bibliology*. Moscow: The Russian State Univ. for the Humanities; 2003. 253, [1] p. (In Russ.)

8. Olszowy-Schlanger J. Early Babylonian ‘Documentary’ Script: Diplomatic and Palaeographical Study of Two Geonic Letters from the British Library Cairo Genizah Collection. *Manuscrits hébreux et arabes: Mélanges en l’honneur de Colette Sirat*. Turnhout: Brepols; 2014, pp. 177–195. DOI: 10.1484/M.BIB.1.102091.

9. Beit-Arie M., Engel E., Yardeni A. *Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts. Volume I: Oriental and Yemenite Scripts*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities; 1987. 325 p. (In Hebr.)

10. Yardeni A. *The Book of Hebrew Script: History, Paleography, Script Styles, Calligraphy & Design*. Delaware: Oak Knoll; 2003. 355 p.

11. Olszowy-Schlanger J. Glossary of Difficult Words in the Babylonian Talmud (Seder Mo'ed) on a Rotulus. In: Brooke G. J., Smithuis R. (eds) *Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages: Studies in Honour of Philip S. Alexander*. Leiden: Brill; 2017, pp. 297–323. DOI: 10.1163/9789004347762_014.

12. Netser A. *Manuscripts of the Jews of Persia in the Ben Zvi Institute*. Jerusalem: Makhon Yad ben Tsvi; 1985. 234 p. (In Hebr.)

13. Loveday H. *Islamic Paper: a Study of the Ancient Craft*. London: Archetype Books; 2007. 90 p.

14. Beit-Arie M. The Oriental Arabic Paper. *Gazette du Livre Médiéval*. 1996;28(1):9–12. DOI: 10.3406/galim.1996.1329.

Информация об авторе

Белкина Екатерина Максимовна – аспирант Института восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>, e-mail: belkinakat@gmail.com

Information about the author

Ekaterina M. Belkina – Postgraduate of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>, e-mail: belkinakat@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 сентября 2021
Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: September 10, 2021
Approved after peer reviewing: November 12, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.